Автор: **Альберт АКОПЯН**

«Я хочу сделать памятник, отражающий **значительность, противоречивость и трагизм личности** Хрущева», — сказал Эрнст Неизвестный, объясняя черно-белое решение для надгробного памятника Никите Сергеевичу Хрущеву. **Юрий Михайлович Лужков** жив-здоров, готов продолжать **политическую деятельность** и вообще не чурается ярких красок. Но при оценке его наследия вспоминаются именно эти слова скульптора.

Кусочек вечности ЮРИЯ ЛУЖКОВА

На месте «Дороги смерти» он построил свою лучшую дорогу — МКАД. А еще — Третье транспортное кольцо и десятки других дорог. Но сегодня эти дороги стоят в пробках. И не только потому, что росло число автомобилей, но и потому, что одновременно с дорогами по их обочинам, а не на небольшом отдалении, как принято во всем мире, возводились торговые центры. А также потому, что в спорах с федеральным центром о долях финансирования слишком медленно развивалось метро. Да, при Лужкове были построены десятки новых станций. Но большинство из них «насаживалось» на старые ветки, а метро осталось все той же «громыхающей бочкой с селедкой».

Лужков принял Москву, в которой строилось почти по 2,5 млн м^2 жилья в год. В 2006–2007 годах столичный стройкомплекс вводил почти по 5 млн м^2. Но за восемь месяцев этого года построено меньше 1 млн м^2. И постоянные кивки на кризис всего не объясняют, поскольку по объемам строительства столицу в эти же годы обогнали Подмосковье, Краснодарский край, Татарстан, Тюменская область, Санкт-Петербург, Нижегородская область. А по итогам года, вероятно, обгонят еще несколько регионов. Москва скатилась с первого места в конец десятки.

И все же в тяжелейшие годы Москва была практически единственным регионом, где массово возводились дома для очередников, малоимущих, военных, молодых семей, переселенцев из ветхого и аварийного жилья. И где доля такого жилья не сокращалась. Возможно, это жилье строилось для того, чтобы обеспечить госзаказом «хорошие компании». Возможно, вместо него надо было строить действительно социальное жилье в общемировом смысле этого слова — неприватизируемое, муниципальное, маневренного фонда, доходное или даже, по определению самого Лужкова, «доходное бездоходное». Временное дешевое жилье для тех, кто в нем нуждается. Но сотни тысяч москвичей благодарны Лужкову именно за то, что строил он.

В вину Лужкову можно поставить архитектурную и скульптурную безвкусицу, один из символов которой — лупоглазый истукан в скорлупе. А кто-то к нему уже привык, как парижане к Эйфелевой башне. Хотя

опять же некоторые считают, что и башня — уродство: безумно красивые крыши Парижа, каждая — особенная, вне времени, и над всем этим торчит нечто, что и 120 лет спустя выглядит модернистским вывертом.

При Лужкове с лица столицы исчезли многие стихийные рынки «советского типа». На их месте — современные торговые центры крупных сетей. А вот любимый и памятный по советским временам магазин сети «Океан» остался всего один, да и то в Зеленограде. Вот во многих областных центрах «Океан», где рыба стоит на четверть дешевле, чем в среднем по рынку, есть. А в Москве — нет. Но пожилые москвичи все равно любят «Юрмихалыча» за «лужковские» надбавки к пенсии.

Юрий Михайлович построил знаменитый монорельс. А после этого ежегодно дотировал его без малого на миллиард рублей в год, поскольку ну не поехал он у москвичей. Это могло дать почти 500 руб. ежемесячных надбавок к пенсиям. А четыре миллиарда на ремонт и реконструкцию «Рабочего и колхозницы» дали бы соответственно почти две тысячи. Правда, разово. Но мало ли таких проектов было в столице?

Лужков построил международный деловой центр «Москва-Сити». Но на 10 лет позже, чем мог, чем предлагали канадцы, японцы, французы. Новый деловой район, конечно, найдет своих арендаторов, но он уже не сможет выполнить свою историческую миссию — спасти исторический центр Москвы от застройки уродливыми бизнес-центрами.

Он отремонтировал и отреставрировал десятки, если не сотни исторических памятников. Но отреставрировал по-своему. Яркий образец — Царицынский ансамбль, или Изумрудный город в столичном просторечье. Готическим крышам «русской усадьбы» есть объяснение — защита от снежного покрова. Понятное объяснение после трагедии «Трансвааль-парка». Можно найти объяснение и строительству большой парковки: в Царицыно проводятся самые дорогие корпоративные мероприятия. Но ради парковки была уничтожена «Дача Муромцева», в которой Венедикт Васильевич Ерофеев готовил к печати поэму «Москва–Петушки» и писал «Василия Розанова глазами эксцентрика» («Я вышел из дому, прихватив с собой три пистолета…»).

А еще были уничтожены сотни других памятников. По крайней мере, в архитектурном отношении более ценных, чем старый барак в Царицыно. Это «Москва, которую мы потеряли» — длинный скорбный мартиролог. Наверное, было бы лучше уничтожить их совсем, чем реконструировать по-московски «с увеличением объемов площадей» и сохранением фасада — «нашлепки» на новоделе. «Есть у нас идиоты, для которых сохранение старых кирпичей — самоцель. По возможности старые камни надо сохранять, но я вам скажу, что кирпичи — это просто молекулы, из которых можно слепить любой образ». Это тоже Лужков.

> “Есть у нас идиоты, для которых сохранение старых кирпичей – самоцель. По возможности старые камни надо сохранять, но я вам скажу, что кирпичи – это просто молекулы, из которых можно слепить любой образ”

Только в последние месяцы в Москве уничтожены историческая застройка в Кадашах вокруг церкви Воскресения Христова, усадьба купцов Алексеевых на улице Бахрушина, часть усадьбы князей Волконских на Тверском бульваре.

Но трудно возразить и его защитникам, которые говорят, что «ширпотреб» XIX века не ценнее ширпотреба XXI века. Мы не держим дома примус, перед подъездом не стоит просто так для красоты «Победа», но центр города не тронь! Пусть там стоят однотипные и безвкусные купеческие усадьбы с пузатыми колоннами. Вечная пыль от деревянных перекрытий, низкие потолки, отсутствие паркинга. Не слишком ли дорогой музей под открытым небом? Не слишком ли расточительно держать (и содержать!) в центре города здание, в котором современному человеку прак-

тически невозможно жить и работать? Где она, золотая середина, поисками которой мучаются все и вся на протяжении всей истории?

У нас нет ответа. Видимо, что-то в Москве пошло не так. А доказывать, что без Лужкова было бы лучше, так же трудно, как доказывать, что без него было бы хуже. Или что после него хуже уже не будет. Нет в этом уверенности. Лужков был мэром Москвы. Был почти 20 лет. И все это время делал, работал и боролся. За что большинство москвичей — каждый за свое — будут ему благодарны.

Иногда кажется, что если бы до сих пор в силе оставались выборы, а не назначение мэра, то у Юрия Михайловича еще долгие годы не было бы никаких конкурентов на этот пост. Он был хорошим мэром. Не без ошибок и перегибов, но кто не грешен в России? Обиднее всего, что теперь у многих, кто все эти годы молчал и раболепно улыбался, появится возможность потоптаться, припомнить старые обиды, свести счеты, устроить показательно устрашающие разборки. Критиковать легче всего. Делать сложнее. Идти вперед и при этом не ошибаться — еще сложнее. Он рисковал и брал на себя ответственность. Время собирать. И время разбрасывать камни.

Вспоминается еще одно изречение. Может быть, не совсем о Лужкове. Может быть, больше подходящая для его противников. Эдгар Фор: «Вечность в политике длится не больше 20 лет». ДН